

УДК 81' 22

© Д.В. Эрдынеева

К вопросу об асимметрии в языке

В статье рассматривается понятие языковой асимметрии. Проанализированы различные подходы к изучению асимметрии, уточнено понятие языковой нормы. Выявлено, что асимметрия является важнейшим компонентом языковой системы, связанным с самим устройством и функционированием языка.

Ключевые слова: языковая асимметрия, языковая норма, языковые преобразования.

D.V. Erdynееva

On the question about asymmetry in the language

In the article the notion of the language asymmetry is considered. The different approaches to the asymmetry study are analyzed. Furthermore the notion of the language norm is ascertained. The asymmetry is determined to be an important component of the language system regarding its organization and function.

Keywords: language asymmetry, language norm, language transformations.

Язык – часть мира, и лингвистика – тоже часть мира; поэтому космос и хаос можно усмотреть не только вне языка (внеязыковой космос и хаос) и вне лингвистики (нелингвистический), но также и в языке, и в лингвистике.

Нарушение языковых норм вызывает разную реакцию, по мнению С.А. Крылова, в зависимости от социальных обстоятельств, в которых это нарушение произошло. Нарушение орфоэпических, грамматических и стилистических норм взрослыми психически и физически здоровыми носителями языка может быть (1) случайным или (2) систематическим.

Случайное нарушение обычно не замечается и воспринимается как порой досадная, но несущественная помеха в общении; предметом изучения оно становится лишь в психолингвистике, разрабатывающей теорию речевых ошибок (опечаток, описок, оговорок). Психологи пытаются вскрыть бессознательные механизмы, лежащие в основе случайных речевых ошибок.

Систематическое нарушение представляет собой факт языка (просторечие) и так такое составляет предмет изучения (в ортологии), предмет исправления (в культуре речи), предмет имитации и стилизации (при намеренном воспроизведении народной речи в художественной литературе) и предмет насмешек (в художественной сатире и в языковой игре).

Нормативность речевых действий составляет предмет особого внимания лингвистической прагматики (это так называемые коммуникативные постулаты, молчаливо соблюдаемые собеседниками в ходе разговора). Нарушение норм речевого общения оценивается либо как проявление психической аномалии, либо как особое средство художественной выразительности (на

этом основаны риторические фигуры, парадоксы и т. п.).

Нарушение моральных норм может выражаться и в отступлении от этики речевого общения. Этическая порядочность / непорядочность также имеет свои проявления. Примечателен тот факт, что неэтичное пользование языком состоит не в игнорировании коммуникативных постулатов, а в злоупотреблении ими (как показывает, например, практика демагогии – интенсивного вербального воздействия на массовое сознание).

Наличие в языке особых норм привлекает внимание уже со времен античности. В явном или в неявном виде понятие языковой нормы присутствовало в формулировке задач грамматики (как искусства правильно писать), стилистики (как искусства правильно говорить), логики (как искусства правильно рассуждать).

Нарушение языковых норм (до XIX в.) были предметом насмешек, предметом исправления или предметом профилактики. В XIX в. преобладает равнодушное отношение к феномену языковых нарушений. В начале XX в. приходит осознание того, что деятельность нарушителей языковых норм имеет особую эстетическую функцию. Нарушение норм начинает восприниматься уже не как деструктивный феномен, а как языковая новизна, как средство художественной выразительности, как средство созидания новых знаковых средств, которые более адекватно выразят мысли и чувства людей в постоянно меняющемся мире. Положительное отношение к ломке языковых норм характеризует направления лингвистической мысли, как эстетический идеализм, футуристическое словотворчество, и, шире, языкотворчество, а позднее

– и концепцию поэтической актуализации языковых средств в Пражской школе.

Наличие в языке жестких правил отнюдь не лишает его такого свойства, как поистине безграничная коммуникативная гибкость [9, 311].

С. Карцевский был, пожалуй, первым, кто в своей статье «Об асимметричном дуализме языкового знака» (1929) воспользовался терминами симметрия и асимметрия в приложении к языку. Он отметил характернейший тип лингвистической асимметрии – многозначность / синонимия языковых явлений, – происходящий вследствие расхождения плана выражения и плана содержания.

Асимметрия отражает нарушение упорядоченности, регулярности, разнообразия. В асимметрии проявляются нарушения равновесия и устойчивости, связанные с изменением в организации системы, составных частей целого.

Ценность анализа Ш. Балли заключается в стремлении определить все виды языковой асимметрии и показать, что они обнаруживаются на всех уровнях, во всех аспектах языковой системы – от фонологии и до синтаксиса.

Асимметрия – явление вечное и универсальное, и к ней поэтому нужно относиться не как к «болезни» языка, к недостатку языка как орудия общения, но как важнейшему компоненту языковой системы, связанному с самим устройством и функционированием языка. Прежде всего, следует обратить внимание на симметрию в самой асимметрии. Основная причина асимметрии в том, что люди оперируют понятиями с расплывчатыми границами, хотя с четким ядром. Это позволяет обозначать словесно любой объект, даже такой, для которого в языке нет особого наименования. Но эта важнейшая задача коммуникации осуществляется ценой нечеткости границ значения языковых элементов (слов, грамматических форм).

Давая наименования новым объектам, осуществляя их группировку и классификацию, говорящий субъект пользуется теми элементами плана выражения и плана содержания, которые уже представлены в данном языке. Использование знакомых языковых форм для наименования новых предметов и ситуаций соответствует фундаментальной черте человеческой психики, состоящей в том, что человек способен воспринимать новую информацию только на основе уже имеющейся некоторой информации. Прежнее наименование, ассоциирующееся с некоторыми уже известными представлениями, оказывается тем мостиком, который человеческое сознание перебрасывает от известного к неизвестному. Использование известных форм для

выражения нового содержания принимает двоякую форму. Оно происходит либо путем их использования в целостном виде способом переосмысления (например, метафора), либо путем их реорганизации (составление новых единиц из готовых элементов по определенным моделям – как в словообразовании, так и в синтаксисе) [3, 234].

Асимметрию в языке рассматривают с различных позиций, анализируя тот или иной тип языковых нарушений.

Ю.С. Степанов в своей работе «В трехмерном пространстве языка» обращает внимание на поэтику эгоцентрических слов. Все поэтики модернизма – формалистов, футуристов, имажинистов (В. Шершеневич, А. Мариенгоф, Р. Ивнев), позднее структуралистов и даже, хотя и в меньшей степени, символистов – некоторыми чертами, в особенности «операциями над словом», близки друг к другу. Подобно футуристам и особенно Хлебникову имажинисты устремлялись к глубинному образу слова «Необходимо помнить всегда первоначальный образ слов, забывая о значении».

«Мы хотим славить несинтаксические формы, нам скучно от смысла фраз: доброго утра! Он ходит!.. Нам милы своей образностью и бессмысленностью несинтаксические формы: доброй утра! или доброй утры! или он хожу!». Сходным образом В. Шершеневич рассматривает все части речи от существительного до предлогов. Возводя их в ранги сообразно степени аграмматичности. И тогда делается понятным – столь важное для имажинистов – отличие их от футуристов: «Не заумное слово, а образное слово есть материал поэтического произведения». В своем требовании «аграмматической формы» русские имажинисты выступили предвестниками будущего французского структурализма в поэтике [11, 262].

Элементарной единицей изменения в языке по В.Г. Гаку является изменение отношения номинации, на уровне формы или на уровне референта, а иногда одновременно обоих. А это изменение не является чисто произвольным, но зависит всякий раз от человеческого сознания, от интенции говорящего, либо от допущения, согласия говорящего. Ш. Балли даже писал в одной из своих работ, что укоренение новшества в языке больше зависит от слушающего, чем от говорящего, поскольку именно слушающий дает согласие на усвоение и дальнейшее распространение языковой инновации. Второй специфический момент – это социальная координата языковых явлений, которая превращает языковое движение в разнородное и многослойное. Поряд-

док – это системность, униморфность, симметрия; хаос – противоположность этим качествам. В языке борются эти две тенденции, хаос переходит в порядок, но внутри порядка создается снова беспорядок, который все же, пусть в ограниченном материале, образует свою систему, свой порядок, но на другом уровне, в другой сфере.

Пауль останавливался и на психологических факторах, но более подробно они были проанализированы в книге А. Фрей «Грамматика ошибок». Изучая ошибки во французском просторечии, Фрей пришел к выводу, что в этих ошибках отражается новая становящаяся система. Сегодняшняя ошибка – это завтрашнее правило. По его мнению, в основе изменений – пять тенденций: аналогия (в том числе народная этимология, контаминация, аттракция), дифференциация, экономия, неизменность, экспрессивность.

В дополнение к тем факторам, о которых писали Пауль и Фрей, нужно добавить следующие: неравномерность языковой компетенции у носителей одно и того же языка (это обуславливает вариативность речи), быстрота речи (при общении необходимо обеспечить не только правильность, но часто быстроту речевых реакций) [4, 292].

По наблюдению Н.Д. Арутюновой, экспериментами над языком занимаются все: поэты, писатели, остряки и лингвисты. Поэты делают это чаще всего для того, чтобы вернуть «чувственность» смыслу и освободить его от ненужных ассоциаций или ввести в иную систему смысловых связей. Писатели в разных целях скрещивают концепты и выводят гибридных обитателей литературных миров. Примерами первых могут послужить слова – «саквожи» Джойса, примерами вторых – шорьки (хорек + ящерица + штопор), зелуки и мюмзики Кэрролла, пуськи бятые, калуши и бутявки из лингвистической сказки Л. Петрушевской [1, 79].

Известно, сколь неопределимую услугу оказывают языковедам отрицательные факты. Лингвистические работы последних десятилетий пестрят звездочками (Ср.: Апресян Ю.Д. (1995), Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. (1997), Падучева Е.В. (2009) и др.).

Когда говорят о творческом отношении к языку, о творческом начале и использовании языка человеком, о речевой деятельности как творчестве и человеке – творце языка, то имеют в виду, прежде всего, способность человека каждый раз заново порождать завершенное оригинальное высказывание из стандартных строевых элементов. Наиболее выразительной иллюстрацией языкотворчества является обычно создание

новых слов новых сочетаний и переносов значений, обогащение значения привнесением в него элементов субъективного смысла. Сюда же, к средствам творческого развития языка, относят иногда речевые ошибки, оговорки, окказионализмы (Ср.: сочетания (*неумытый столик, сентиментальная кислятина, молодой ребенок, бездорожная езда, живой мертвец, пятиэтажный молодец и др.*)). Однако, все эти явления, будучи, безусловно, показателями творчества (сознательного или бессознательного) индивида в языке, представляют собой то, что можно квалифицировать как лексико-семантические и лексико-грамматические преобразования, и вовсе не исчерпывают всех возможностей творческого подхода к языку. Ведь язык является важнейшим средством познания, и, оперируя элементами «образа мира», элементами знаний с помощью языка, человек осуществляет когнитивные преобразования в процессах отражения сознанием объективной реальности. Но начинать рассмотрение языка как творческой деятельности личности следует, вероятно, с прагматического уровня, имея в виду, что каждый человек для выражения даже простейших личностных (хотя и социально детерминированных, но индивидуально-переживаемых) интенциональностей, таких, как, скажем, досада, возмущение, подобострастие, удивление, всегда находит собственные, неординарные средства и способы [6, 240].

В рамках теории неологизации интересным представляется изучение новых метафорических номинаций. Так, Л. Ю. Касьянова отмечает, что неометафоризация обладает когнитивной парадоксальностью, состоящей в том, что сопоставляемым объектам свойственна асимметричность. Например: «Кто виноват в *финансовых трюмах?*» (АиФ. – 2008. – № 38); «... перенос *финансовой инфекции* из США...» (Новая газета. – 2008. – №48). Она является не только приемом изображения, но и способом мышления, способом восприятия вечно меняющегося мира. Это значительный когнитивный ресурс, определяющий вектор инноваций в познании человеком окружающей действительности [7, 74].

Наиболее общей характеристикой живых процессов, наблюдаемых в русском литературном языке наших дней, нельзя не признать демократизацию. Впрочем, точнее для характеристики этих весьма бурно разворачивающихся процессов подходит термин либерализация, ибо они затрагивают не только народные пласты общенационального языка, но и образованные, оказавшиеся чуждыми литературному канону

последних десятилетий. В целом литературно-языковая норма становится менее определенной; литературный стандарт становится менее стандартным. Наиболее рельефно языковой вкус иллюстрируется стилистическими явлениями.

Так, популярными стали привлекающие внимание необычностью и остроумием внутренней формы разного рода наложения, вроде *стервис* (*стерва* + *сервис*) [8, 44].

В основе развернувшихся процессов лежат изменения в психологической установке масс, пользующихся русским языком, в их языковом вкусе и чутье языка. Эти социально и исторически осмысленное явление порой получают некое официальное одобрение (хотя бы примером речи политических авторитетов и речевой практикой масс-медиа), а порой и законодательное закрепление.

Отступления от общелитературной нормы, а также новообразования в той или иной речевой сфере оцениваются в исторической перспективе или как вклад автора в развитие литературного языка, или как продукт индивидуального речетворчества, порожденный художественными устремлениями писателя, но не нашедший признания и продолжения в дальнейшей истории общелитературной речи [2, 205].

Н.К. Рябцева справедливо отмечает, что в современном мире «инновационные» явления усложняют восприятие информации, делают его многоступенчатым и опосредованным, требуют специальных интеллектуальных усилий и дополнительных знаний.

Интеллектуальная «игра с примечаниями в поэзии эпохи постмодерна и интернета. Предельно креативное использование авторских примечаний и комментариев в поэзии эпохи постмодерна проявляется в их необычном оформлении и выделении (Ср.: *онлайн-технологии, электронный маркетинг, дистрибьютор, внешняя память, металлическая субкультура* и др.).

Все соответствующие инновации – «игры с примечаниями» предполагают «выход из текста» и потому задают двойной способ его членения и прочтения – «горизонтальный» и «вер-

тикальный (как у Барта) т.е. умножают количество его «слоев-уровней» и потому свободы прочтения текста, углубляют его перспективу [10, 116].

Соединение потенциальных возможностей языковой системы с языковыми способностями говорящего пополняет речь средствами, производящими определенный эстетический эффект. Это дает материал для изучения тех начал в человеке, которые позволяют быть участником интеллектуальной игры, направленной на индивидуальное словотворчество.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
3. Гак В.Г. От хаоса к беспорядку и от порядка к хаосу («анархия мать порядка, порядок отец анархии») // Логический анализ языка: Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2003. – С. 286-293.
4. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998 – 768 с.
5. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. – М.: Высшая школа, 1981. – 320 с.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Изд. 6-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.
7. Касьянова Л.Ю. Неометафоризация в свете когнитивной семантики // Гуманитарные исследования. – 2009. – №2. – С. 68-74.
8. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3 изд., испр. и доп. – СПб.: Златоуст, 1999. – 320 с. (Язык и время. Вып. 1).
9. Крылов С.А. Порядок и беспорядок с металингвистической точки зрения // Логический анализ языка: космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка / отв. ред. Н.Д. Арутюнова – М.: Индрик, 2003. – С. 302-319.
10. Рябцева Н.К. Тенденция к интеллектуализации в современной культуре // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2011. – С. 111-123.
11. Степанов Ю.С. Французская стилистика. – М.: Высшая школа, 1965. – 355 с.

Эрдынеева Дарима Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков БГУ. 670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, e-mail: dardierdin@yandex.ru

Erdynceeva Darima Vladimirovna – candidate of philology, associate professor of German and French languages chair of the Buryat State University. 670000, Buryatia, Ulan-Ude, 16 Sukhe-Batora st., tel: 214810, 89148343392, e-mail: erdari@mail.ru